

18+

Ирина Марыкова

СКАЗАНИЯ
ДАЛЬНИХ
ЗЕМЕЛЬ

Чудеса повсюду, стоит в них поверить

Ирина Марькова
Сказания дальних
земель. Чудеса повсюду,
стоит в них поверить

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435347
ISBN 9785449816986*

Аннотация

В нашем мире всегда есть место загадочности, чудачествам, странностям и волшебству. Я много путешествую и собираю такие истории. Точнее, они сами находят меня. А я, будто жемчужины, нежно принимаю их, рассматриваю и нанизываю на нитку, находя каждой – самое лучшее место в моей коллекции.

Содержание

От автора	5
Горный цветок	6
Душевный хлеб	14
И драконы плачут...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Сказания дальних земель
Чудеса повсюду,
СТОИТ В НИХ ПОВЕРИТЬ
Ирина Марыкова**

Андрей Шепелев *Фотограф*

© Ирина Марыкова, 2020

© Андрей Шепелев, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-1698-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В нашем мире всегда есть место загадочности, чудачествам, странностям и волшебству. Я много путешествую и собираю такие истории. Точнее, они сами находят меня. А я, будто жемчужины, нежно принимаю их, рассматриваю и нанизываю на нитку, находя каждой – самое лучшее место в моей коллекции. Рассказы, легенды, сказания, были – из разных времён, из разных уголков света. Но у них есть нечто общее. Надеюсь, вы тоже это почувствуете.

Горный цветок

Эту историю мне нашептали травы в преддверии гор у хрустального ручья, там, где я расположился отдохнуть после долгого дня пути.

История была о девушке. Её звали Розали. И не было прекраснее неё в альпийской деревне и всех ближайших селениях. Всем она была хороша: глаза синее самого ясного неба, губы – алее макового цвета, кожа – нежнее бархатного персика.

Единственным недостатком Розали было то, что она молчала. Хотя для жены это не так уж и важно, считали многие: наоборот, пилить супруга не будет.

Лучшие женихи сватались к Розали, но «горный цветок» всем отвечала отказом.

Однажды к ней посватался богатый купеческий сынок, а получив традиционный отказ, со злости поджог стога сена, и огонь чуть было не спалил всю деревушку. Видя, что из-за неё чуть не случилась беда, Розали ушла из деревни и поселилась в горах.

Она мечтала, чтобы её оставили в покое. День за днём девушка проводила на альпийских лугах и склонах, научилась различать травы и голоса птиц. Она собирала травы бережно, брала только самое необходимое и никогда лишнего цветочка-листочка не срывала. Обязательно оставляла семена,

чтобы трава продолжала плодиться и расти.

Она не могла говорить, но умела слушать, и травы открыли ей все свои секреты. Розали искала уединения, но ей суждено было стать травницей и лекарем душ.

Весть о том, что Розали лечит травами любое недомогание, разлетелась очень быстро. Вскоре к её хижине, бывшей некогда перевалочным пунктом лесорубов, потянулись жители всех ближайших деревенок. К тем, кто не мог идти сам, Розали со всем почтением просили нанести визит.

Её методы лечения были таковы: выслушать, дать человеку высказаться до последней капли, заварить травяной сбор, оставить травы для дальнейшего лечения.

С первых же слов пациента Розали понимала, какие травы положить в чай для беседы с ним. Руки сами тянулись к нужным растениям, пучками свисавшими с потолка её хижины. После первого же глотка пациент открывал своё истинное и рассказывал то, что было напрямую связано с его заболеванием.

Вскоре Розали знала, что слух Петера становится всё хуже, потому что он в штыки воспринимает любую критику в свой адрес, и даже добрососедский совет неприятен его ушам. Марта кашляет, потому что боится вслух высказать то, что думает, своему мужу, копит обиды внутри, и если так будет продолжаться дальше, то случится перегруз её и без того слабого сердца. А ребенок у Андерсенов родился с плохим зрением, ибо видеть, как день и ночь ругаются его ро-

дители между собой и со своими родителями, не хочет...

Как не покажется странным, именно нахождение причины становилось поворотной точкой для начала выздоровления. Проницательный взгляд Розали давал понять, что нужно устранить причину, поменять свою линию поведения, а травы дадут силу это сделать.

Находились, конечно, упрямцы, нежелающие меняться, тогда они принимались распространять слухи о мошенничестве и абсолютной бесполезности трав Розали. Но таких было меньшинство.

Благодарных было много больше. В деревнях появились новорождённые Розали, названные в честь мудрой травницы.

К ней стали приезжать из больших городов. Нашлись торговцы, желающие нажиться за её счет: они предлагали торговать травяными чаями под маркой Розали. Но девушка дала понять, что в этом не участвует.

Не знаю, сколько лет Розали заготавливала травы и заваривала чай и настои для тех, кому нужно было её умение слушать. Но примчался однажды к её лачуге тот самый обиженный жених, который пытался спалить деревню за отказ невесты. И приехал он не чай пить, а потребовал:

– Раз уж ты травы заговариваешь, – сказал он, – принеси мне клевер четырёхлистный.

Хотела Розали проигнорировать его слова, да названный гость быстро продолжил:

– По легендам отыскать его непросто, но ты – сможешь. Тем более что на этот раз я основательно провел подготовку и расставил вокруг деревни заставу из своих людей с горящими факелами. Со всех сторон запалят, и вспыхнет-сгорит деревенька в момент.

Не могла Розали оставаться безучастной к судьбам людей. И предупредить не могла – раз засада везде. Оставалось одно – завести наглеца в горы да бросить там. Либо вместе погибнуть. Это уж как придётся.

Жестом Розали показала, что согласна и что пойдут они вдвоём, без сопровождения. Мужчина возразил: двоих слуг возьму.

Розали вела спутников вверх в горы и понимала, что не сможет погубить ещё двух людей, которые замешаны в эту историю не по своей воле. Придётся достать четырёхлистник и надеяться на то, что «жених» сдержит слово и оставит деревню и её саму в покое. Розали попросила его подписать договор на бумаге, где было написано: я, такой-то такой-то виновен в гибели деревни. Эту бумагу Розали спрятала в своих травах, когда тот ушёл отдавать распоряжения своим людям. Она надеялась, что пациенты найдут, если Розали исчезнет. Но злодей велел своим людям сыскать эту бумагу, когда они с Розали уйдут в горы.

...Они были в пути уже пятый час. Розали шла не торопясь, останавливалась, касалась травы, цветов, иногда опускалась рядом и как будто слушала что-то. Торговец пытался

её подгонять, но Розали жестами объяснила, что травы сообщают ей дорогу к волшебному клеверу.

И это было так. Травы говорили с ней, нашёптывали, а также предупреждали о беде, которой пахнет идущий рядом с ней человек. Розали это знала, но не видела иного выхода. И просила травы показать ей дорогу. И они шептали, нашёптывали ей...

К вечеру следующего дня путники прибыли на место. Склоны горы были покрыты ковром клевера, и где-то здесь рос четырёхлистник.

Торговец от нетерпения прикрикнул на Розали, чтобы она быстрее нашла его, но девушка подняла вверх указательный палец и прижала его к губам: тише! Потом она закрыла глаза и стала слушать. Открыла и осмотрелась. Да, он был здесь, и она уже знала, где именно. Она видела его особое сияние, выделявшее его среди собратьев.

Но Розали не спешила срывать его. Она подошла к склону, посмотрела вниз – можно прыгнуть, но деревню он спалит всё равно. Ярость в нём так и клокочет. И её маленькая жизнь не станет спасением. Столкнуть его она не сможет: два сторожевых пса рядом. А после того, как он получит клевер, станет ещё и везунчиком. Остаётся надеяться на то признание, которое она заставила его подписать и что его найдут. Ведь сама она отсюда не вернётся, это девушка чувствовала: не даст он ей спуститься с этой горы.

Розали подошла к торговцу вплотную и спросила жеста-

ми: сдержит ли он обещание.

– Да, да! Ты нашла его? – крикнул мужчина.

Девушка кивнула.

– Давай уже!

Розали вздохнула. Закрыла глаза и произнесла мысленное обращение к силам природы и стихиям, попросила прощение за то, что берет четырёхлистник и отдаёт этому человеку, со злым сердцем. Также она попросила защитить людей от его деяний.

Девушка открыла глаза и, опустившись на колени, раздвинула мягкую траву и нашла его.

Торговец выхватил клевер из её рук. Да, четырёхлистник! Свершилось!

Розали увидела, как вокруг мужчины засиял воздух, золотистый свет стал заполнять его ауру. Защитный шар. Теперь он неуязвим. Розали невольно сделала пару шагов назад, желая скорее отойти от злорадно хохочущего мужчины.

Она начала спускаться, но несостоявшийся жених догнал и толкнул её так, что девушка оступилась с едва видимой тропы. Розали не удивилась. Жаль, что четырёхлистник своим светом не пробил его чёрное сердце.

– Прощай! – услышала она, падая вниз.

Возможно, ей удастся зацепиться, склон не пологий, но зачем? Стоит ли? Мелькнула мысль об освобождении – от всей жизненной суеты.

Но вопреки этому, она почувствовала, что больше не па-

дает, а продолжает лететь, только теперь вверх. Она раскрыла глаза, которые успела зажмурить, и поняла, что сидит на гигантском орле. Розали погладила его перья и поняла: это дух Альп.

Орёл промчался над поляной клевера один и другой раз, и трое ошалевших мужчин припали от страха к земле. Размах орлиных крыльев был необыкновенен, а на спине его сидела как ни в чем не бывало травница Розали! Страшнее всего был голос, который позже двое спасшихся и вернувшихся с покаянием слуг торговца окрестили гласом Бога.

Этот голос произнёс:

– Ты нарушил обещание. Ты получил то, что желал, и так ты оплатил за подарок? Ты не сдержал обещание и собирался нарушить ещё одно. Ты недостойн такого дара земли.

Голос был невыносимо громкий. И торговец затыкал уши руками, боясь оглохнуть. Но голос как будто был в нём. И разрывал его изнутри. Каким чудом спаслись его слуги – загадка, но видно в этом был высший замысел, кто-то ведь должен был рассказать эту историю людям.

А мне её нашептали травы. Розали с тех пор никто не видел: орёл унёс её с собой, и она, я надеюсь, обрела то единство с природой, к которому стремилась. Где-то на вершине Альп...

А я, слушая эту историю в преддверии гор у хрустального ручья, помечтал, как однажды добреду до глухого местечка в Альпах и увижу Розали, умеющую слушать самым сердцем.

Она заварит мне волшебный чай, и мы вместе помолчим под шёпот горных трав.

Душевный хлеб

Вы любите запах свежее испечённого хлеба? А аромат сладкой сдобы, будоражащей и вызывающей восторг? А маковые бублики, слоёные круассаны, булочки с корицей... Но больше всего я люблю запах свежего деревенского хлеба.

Я много путешествую, и мне доводилось вдыхать ароматы и пробовать хлеб в разных уголках мира. Но такого хлеба, как пекут в этом французском городке, я не встречал больше нигде.

Манящий, дразнящий, проникающий в тебя запах, мгновенно наполняющий рот слюной, а мозг – желанием скорее откусить прекрасный хлеб. Его не спутаешь ни с каким другим.

У этого хлеба, кроме незабываемого вкуса, есть ещё одна уникальная особенность: сколько бы он ни лежал – он всегда остается свежим.

Конечно, если вы купили буханку, вы не сможете её не съесть – честное слово, такой он ароматный! Но если вы, как и я, приобретаете хлеб впрок, то будете приятно удивлены. Попробовав этот хлеб впервые, я набрал полный рюкзак, покидая городок, и что вы думаете?! Даже через неделю он был свеж, как будто сегодня из печи!

Я проверил это ещё раз, специально построив свой маршрут с заходом в этот городок. И всё повторилось.

Я не мог не заехать сюда снова, чтобы поближе познакомиться с той, что пекла чудесный хлеб. Но в этот раз меня ждало разочарование. Город не встретил меня волшебным ароматом, это был обычный, ничем не примечательный провинциальный городок. Я было подумал, что ошибся и сошёл не на той станции, но нет, этот был тот же город и не тот одновременно.

Раньше я бы нашёл пекарню по аромату, как пёс обязательно учует зарытую в земле косточку. Но сегодня мой нос не мог привести меня к пункту назначения, и я даже заплутал немного в узких улочках. Пришлось спросить прохожих.

– Буланжери «У Флорет»? – переспросил меня розовощёкий мастеровой. – Зайдите лучше в лавку Буше.¹

Я возразил, что мне нужно непременно к Флорет.

Мастеровой пожал плечами и указал мне дорогу.

У дверей пекарни за одним из столиков под навесом старик курил трубку. Я узнал его – то был отец Флорет, хозяйки пекарни.

Здесь тоже не было аромата. Совсем. А еще пропали цветы, которые ранее буйно цвели в горшках на каждом окне и в палисаднике рядом с домом. Веяло грустью и запустением. Сердце мое сжалось от дурного предчувствия.

В нерешительности я переминался с ноги на ногу, поглядывая то на закрытые двери пекарни, такой уютной и приветливой раньше, то на старика, пускавшего кольца дыма.

---

¹ Буланжери – традиционная французская пекарня, булочная-кондитерская.

– День добрый, – поговорил старик.

Я поспешил ответить.

– Если вы пришли за своими деньгами, возьмите их сами – вон в той жестянке, – он указал трубкой на жестяную коробку, стоявшую на подоконнике. – И в качестве компенсации могу предложить вам чашку кофе, вы видимо, с дороги. И печенье. Оно не зачерствело, так как было испечено раньше.

Попросив разрешения, я присел на стул:

– Денег вы мне не должны. А от кофе не откажусь и заплачу и за него, и за печенье. Очень надеялся позавтракать вкуснейшими булочками от Флорет.

– Кофе налей себе сам, сынок, я с трудом хожу. Чайник должен быть еще горячим. Печенье на столе в такой же коробке, – старик снова кивнул на жестянку с монетами. – Ну, иди, – он махнул рукой в сторону двери, как бы пресекая мой вопрос.

В пекарне было тихо и никакого намёка на запах свежего хлеба. На полках, где обычно покупателей ждала фирменная выпечка от Флорет, лежало несколько булок хлеба. Я не удержался и взял одну в руки. Она была как камень. Потрогал другую – та же история.

Налив две кружки кофе и прихватив коробку с печеньем, я вернулся на веранду к старику. Тот кивнул, когда я поставил перед ним дымящийся напиток.

– Что случилось с вашим хлебом и с... Флорет? – осто-

рожно спросил я. – Лучшего хлеба я не пробовал никогда и нигде!

Старик выпустил кольцо дыма:

– Она потеряла себя и разучилась любить.

– Где она сейчас?

– Ушла возвращать себе себя. Я посоветовал ей идти собирать осколки своего сердца и вновь учиться любить – у реки, у земли, у неба.

И видя, что я не понимаю его метафор, старик пояснил:

– Раз ты пробовал её хлеб, то знаешь, что он никогда не черствел. Посмотри вокруг – все цветы завяли. А хлеб, который, раньше оставался свежим не день и два, а при необходимости и месяцы, теперь черствеет чуть ли не сразу, как его вынут из печи, – старик выпустил несколько дымных колечек. – Банальная история, сынок. Она влюбилась и отдала всю себя до последней капли. А когда он ушел, бросив её с разбитым сердцем, в ней не осталось любви – не то, что к миру, но и к себе.

– Бедная Флорет, – пробормотал я.

Старик же издал смешок, чем весьма удивил меня.

– Ага, а парень – негодяй. – Он покачал головой. – Вовсе нет, сынок. В жизни случается много всего, от чего сердце может превратиться в безводную пустыню. Я потерял любимую жену, мне хотелось умереть вместе с ней, но маленькая Флорет осталась бы одна. Я не закрыл своё сердце и когда стал инвалидом, хотя все предпосылки озлобиться у меня

были, уж поверьте, молодой человек. Я не делю мир на чёрное и белое, чему и пытался обучить свою дочь, передавая пекарские секреты, показывая, что и муку можно смешивать и получать интересные вкусовые сочетания. Я продолжаю любить эту жизнь, рассветы и закаты, встречаю каждый день радостным ожиданием, хотя полгорода сердится из-за чёрствого хлеба, и пекарню, возможно, вообще придется закрыть. И это не просто слова, ради хвастовства, сынок. Помоги-ка мне, проводи на кухню, я испеку тебе хлеб, который можно сотворить только с сердцем, в котором живёт любовь.

И он испёк, честное слово! Потрясающий хлеб! Я забрал его с собой, когда вечером со сжимающимся от беспокойства сердцем покидал городок. Было жаль оставлять едва передвигающегося старика одного. Где пропадала его дочь, было никому не известно. Но старик был совершенно спокоен и относительно себя, и относительно дочери.

– Она вернётся, когда придёт время. А за меня не волнуйся, сынок.

Я волновался. Не выходила эта история у меня из головы. Поэтому спустя несколько месяца ноги сами привели меня обратно.

Всё мое существо запело, когда мой нос вдохнул воздух, насквозь пропитанный ароматом хлеба, сдобы, бриошей и круассанов. Мои вкусовые рецепторы торопили меня: «скорее, скорее, мы соскучились по настоящему празднику». И это был праздник! Я едва ли не бежал, ведомый

запахом.

И вот знакомая буланжери. Она работала! Входная дверь открывалась и закрывалась, выпуская довольных покупателей с коробками и бумажными пакетами в руках, источавшими умопомрачительный запах. На террасе все столики были заняты. Цветы буйствовали на подоконниках. В общем, жизнь кипела, чему я был несказанно рад. Ещё больше я обрадовался, разглядев за одним из столиков знакомого старика.

Немного помедлив, я подошел к нему и бодро поздоровался.

– Садись, садись, – кивнул мне старик. – Я знал, что ты непременно заглянешь к нам снова.

Оказывается, он помнил меня и все подробности моего последнего визита.

Старик налил мне кофе и предложил круассан. Как же я соскучился по этой выпечке!

– Она вернулась?!

– Ну я же тебе говорил, – старик раскурил трубку.

– Я очень рад! Но, – я медлил, подбирая слова: – Как? Ей удалось снова обрести любовь?

– Могу лишь рассказать то, что поведала она мне сама.

Я попросил старика, и он, пряча улыбку в усах, сообщил мне следующее.

Когда отец практически выгнал Флорет из дома, велев ей возвращать себя, она бродила по местной округе, спускалась

к реке, поднималась на холмы, наблюдала закат и восход солнца. К вечеру третьего дня она ничком легла в траву и подумала о том, что совершенно не понимает, как жить дальше. Она потеряла любимого, лишилась своего дара, и лучше ей просто предаться забвению в этой траве на вечной земле.

Слёзы уже перестали сочиться из ее глаз. Она лежала в полузабытьи, и последние лучи заходящего солнца едва касались её кожи.

Она решила, что здесь найдет свой конец, но вдруг ощутила какой-то толчок в живот. Потом ещё и ещё. Толчки становились сильнее. И Флорет вдруг поняла, что, вероятно, они были сразу, просто она их не чувствовала, предаваясь своему страданию.

Девушка переместилась чуть дальше, но толчки продолжались и в другом месте.

«Земля. Это она, – подумала Флорет. – Сильная. Мощная. Плодородная. Рождающая. И забирающая».

Трава, плоды, реки... Из глубины родился крик, рык и выдох:

– Матушка! Возьми у меня эту боль!

Флорет кричала и ей казалось, что тело непременно должно разорваться на тысячи мелких осколков. Но прошел миг, ещё один и ещё, и крик перешёл в звенящую тишину, нарушаемую лишь ночными цикадами.

Она перевернулась на спину и смотрела в тёмное, бесконечное, пронизанное звёздами, мудрое небо.

А под собой ощущала невероятную мощь Земли. Той, что питает, той, что рождает, той, что сжигает, перерабатывает и возвращает новыми всходами.

Той, что любит тотально и безусловно каждое своё дитя.

Флорет ощущала себя в колыбели, в теплых ласковых руках матери, её качало и убаюкивало, и она не заметила, как уснула. Пробудившись, от нежного прикосновения утреннего солнца, Флорет почувствовала, что в её сердце проснулся, ожил, повернулся к свету росток.

Ещё несколько дней, а может, и недель, она бродила по окрестным полям и лесам, давая возможность этому ростку окрепнуть. Каждый день она общалась с Землей, прося её благословения и вознося благодарности.

Когда девушка вернулась в город, отец с удовлетворением отметил тихое умиротворение в её глазах и улыбке. И самый простой хлеб, испечённый Флорет в день её возвращения, оказался вкуснейшим их всех приготовленных ею ранее.

Дослушав рассказ, я был преисполнен желанием увидеть Флорет. Мне хотелось ощутить изменения, которые произошли в девушке, по словам её отца.

Поблагодарив за кофе, я прошёл внутрь пекарни, источающей невероятные, дивные, чудеснейшие ароматы.

Внутри были покупатели: навстречу мне шел розовощекий мастеровой, уминавший свежайшую сдобу.

Я узнал его и кивнул.

– Лучшая в мире! – провозгласил он вместо приветствия.

У прилавка стояли женщина с мальчиком, две девочки-подростка и пожилая пара.

– Вот, пожалуйста, бриоши, как и просили, – услышал я приятный низкий женский голос.

Флорет вышла из глубин пекарни к прилавку, ставя на него лоток с бриошами: – Только из печи.

Я был удивлен: передо мной была Флорет, но как светились её глаза, как изменился её голос, румянец на щеках, ласковая открытая улыбка. Я видел перед собой не юную девушку, какой запомнил после первых встреч, – передо мной была цветущая молодая женщина, под сердцем которой расцветала новая жизнь. От неё исходило тепло, аромат хлеба и материнская любовь.

Я видел любовь, льющуюся из её глаз, сердца и рук, кажется, она сияла этой любовью, что я тоже заулыбался, как и все вокруг.

Я покинул пекарню, наполненный любовью до краев. Тёплой, ласковой, безграничной любовью самой Земли-матушки.

И драконы плачут...

Добрую сказку подарило мне лавандовое поле во время путешествия по Провансу. Душистые соцветия, колышимые ветром, передавали ее из уст в уста, от цветка к цветку, от семечка к семечку. Затаив дыхание, я внимал их речи, вглядываясь то в силуэт старинного замка, возвышавшегося над окрестностями, то поднимая глаза к небу, в надежде увидеть в синеве стража долины...

***

Однажды в маленьком королевстве появился дракон. Первыми его увидели фермеры, когда гигантская тень накрыла лавандовые поля, огороды и виноградники. Пораженные зрелищем, они в страхе бежали, бросив работу, в поисках укрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.